

— Ничего страшного... — Хань Сюнь схватил его за руку, подавив свои сомнения. — Давай продолжим обсуждение сцены.

Перерыв длился всего десять минут, и не стоило тратить время на такие глупости, как тайная съемка.

Но Ду Цзянлан с грустной улыбкой сказал:

— Учитель Хань, в интернете уже говорят, что я пристроился к Сюй Сымяо, и если наши слишком близкие фотографии попадут в сеть, слухи снова изменятся... Я боюсь, что это плохо скажется на вас.

Хань Сюнь никогда не боялся последствий. Он приподнял бровь:

— Ну и что, если Сюй Сымяо предается любовным утехам втроем, а мы с ним якобы завязался роман? Такие старые слухи не могут иметь никакого влияния. Независимо от того, позитивные они или негативные, просто считай это рекламой для «Вкусного сердца». Когда фильм выйдет, все сплетни отойдут на второй план.

Его уверенность в фильме была настолько сильна, что он мог игнорировать любые скрытые атаки.

Сюй Сымяо уже предупредил его, что «Вкусное сердце» привлекло внимание профессиональных интернет-троллей, которые специально пытаются испортить репутацию фильма, чтобы повлиять на кассовые сборы.

Однако небольшие негативные отзывы в интернете вряд ли смогут повлиять на широкую аудиторию. Для фильма самое важное — это количество сеансов и качество.

Количество сеансов он не мог контролировать, поэтому его главной задачей было улучшить сценарий, следовать требованиям Вэнь Хана и помогать актерам раскрыть красоту истории.

Хань Сюнь выглядел серьезным и сосредоточенным. Ду Цзянлан улыбнулся:

— Хорошо, учитель Хань, продолжайте объяснять сцену.

После короткого перерыва Ду Цзянлан снял сцену с первого дубля, наконец освободив напряженную съемочную группу.

После завершения съемочного дня Ду Цзянлан нашел Хань Сюня:

— Учитель Хань, я хочу пригласить вас на ужин.

Хотя Ду Цзянлан играл Фрэнсиса по выбору Хань Сюня, их общение ограничивалось слухами, которые распространялись вокруг.

Хань Сюнь сказал:

— Если ты хочешь поблагодарить меня за объяснение сцены... то не стоит. На мой взгляд, твоя последняя игра не отличалась от первой, я не помог.

Просто Ду Цзянлан отвлекся и попал под горячую руку режиссера, поэтому тот придирался. После перерыва все прошло гладко.

Но Ду Цзянлан с извиняющимся видом настаивал:

— Учитель Хань, на самом деле я действую по чьей-то просьбе.

Курорт «Сушань» находился недалеко от съемочной площадки, всего в двадцати минутах езды.

Хань Сюнь был одет в спортивный костюм и джинсы, он не собирался переодеваться после работы, выглядел очень просто. Ему было все равно, что надеть, без Сюй Сымяо, который обычно диктовал ему стиль, он просто брал то, что было под рукой, даже если его собственной одежды в гардеробе становилось все меньше. В конце концов, спортивный костюм был в сто раз удобнее костюма, он шел на съемочную площадку работать, а не на показ мод.

Рядом сидел Ду Цзянлан, одетый в костюм с галстуком, с аккуратно сложенным платком в кармане и подобранными запонками. Он выглядел так, словно собирался не на ужин, а на церемонию награждения.

Ду Цзянлан объяснил:

— Говорят, сегодня вечер генеральный директор кинокомпании «Радуга» пригласил много людей из индустрии, поэтому я хотел произвести хорошее впечатление.

— Ты мог бы просто придумать повод, чтобы позвать меня на ужин, — сказал Хань Сюнь, глядя на множество роскошных автомобилей на парковке. Ему казалось, что Ду Цзянлан, как звезда, был слишком откровенен. — В конце концов, я уже сел в машину, и не стал бы тебя винить.

Ду Цзянлан с улыбкой ответил:

— Я не хотел обманывать вас, учитель Хань, ведь этот ужин организован кинокомпанией «Радуга» с определенной целью. Если вы сможете мне помочь, это будет замечательно, но если вы не захотите прийти, я не стану настаивать. В конце концов, роль Фрэнсиса очень важна для меня, и я не хочу снова остаться без работы.

Ду Цзянлан четко обозначил свою позицию. Перед настоящими капиталистами у него даже не было права голоса, и если бы он обманул Хань Сюня, то к вечеру получил бы уведомление о расторжении контракта и покинул съемочную группу.

Слухи о том, что Сюй Сымяо увлечен Ду Цзянланом, распространялись как настоящие, а в сочетании с нечеткой фотографией, они подтвердили ложь о том, что Сюй Сымяо содержит двух любовников.

Для Ду Цзянлана это было хорошо, он воспользовался слухами и завоевал расположение некоторых влиятельных людей в индустрии, но все встречи и ужины имели одну цель — они хотели, чтобы Ду Цзянлан помог им встретиться с Сюй Сымяо.

Сюй Сымяо, как влиятельный наследник в индустрии, мог позволить Ду Цзянлану использовать его имя для организации ужинов и знакомств, но если бы Ду Цзянлан действительно попытался организовать встречу с Сюй Сымяо, это было бы слишком самонадеянно.

Он знал, что в глазах Сюй Сымяо нет никого, кроме Хань Сюня, а слухи не опровергались только потому, что Сюй Сымяо хотел, чтобы Ду Цзянлан стал щитом для Хань Сюня, принимая на себя все удары.

Но удары были слишком сильными, и Ду Цзянлан не мог справиться с ними, поэтому он решил прояснить ситуацию.

Когда влиятельные люди услышали имя Хань Сюня, их лица выразили разную степень... смущения?

Но даже после этого они не собирались сдаваться и попросили Ду Цзянлана помочь им встретиться с Хань Сюнем!

Ду Цзянлан мог бы просто отказать.

Фраз вроде «Я не знаком с Хань Сюнем» или «Хань Сюнь занят» было предостаточно, но Ду Цзянлану было трудно их произнести.

Он был всего лишь неактуальным актером, и если бы он обидел инвесторов, ему было бы трудно продолжать карьеру.

С другой стороны, если бы он обманул Хань Сюня, сценариста, который мог выбирать актеров, его бы выгнали из «Вкусного сердца».

Эта дилемма заставляла его мучиться, поэтому сегодня он был не в состоянии играть.

Слова Хань Сюня, сказанные с уверенностью и искренностью, пробудили его, и он решил сказать правду, предоставив выбор самому Хань Сюню.

— В любом случае, я очень благодарен вам, учитель Хань, за вашу помощь. Сегодня вечером, что бы ни случилось, я буду вашим щитом и обязательно буду пить за вас.

Скромный и почтительный вид Ду Цзянлана сильно отличался от его роли Фрэнсиса, и это вызывало у Хань Сюня дискомфорт.

Не зря Вэнь Хан сказал, что Ду Цзянлан хорошо играет. Если бы он видел его таким сейчас, Хань Сюнь никогда бы не выбрал его на главную роль.

В представлении Хань Сюня, Фрэнсис Чен был таким же высокомерным, как Сюй Сымяо, и никогда бы не показал такого слабого и покорного выражения.

Даже если Хань Сюню не нравилась почтительность Ду Цзянлана, он объяснил:

— Пить за меня не нужно... И тебе не стоит слишком волноваться. Ситуация с Юэ Ланьсинь — это исключение, главная героиня для этого фильма не так важна, но ты, как главный герой... я пока не могу найти подходящую замену.

Просто Сюй Сымяо был слишком похож на бездарного наследника, но скрывал в себе твердость и нежность, которые не мог сыграть обычный актер.

Внешность Ду Цзянлана была похожа на его, и, что еще важнее, он играл владельцев бизнеса много лет, его опыт был богаче, чем у других актеров, а его улыбка и взгляд могли передать шестьдесят процентов харизмы Сюй Сымяо.

И Хань Сюнь любил честных людей.

Ду Цзянлан рассказал все честно, спросил его мнения, даже объяснил, что влиятельные люди хотят через него встретиться с Сюй Сымяо, и это завоевало симпатию Хань Сюня.

В индустрии, где царят интриги и борьба за место, искренность — редкая черта, и он был готов помочь Ду Цзянлану в небольшом деле.

Всего лишь ужин.

С такими мыслями Хань Сюнь вошел в курорт «Сушань» вместе с одетым в костюм Ду Цзянланом.

Но, открыв дверь, он чуть не ослеп от увиденного.

Вечерние платья и костюмы были стандартом для ужина, и каждый из присутствующих мог бы войти в комнату по своему лицу, среди них было как минимум шесть или семь популярных актеров.

Нелепый наряд Ду Цзянлана внезапно идеально вписался в атмосферу, а Хань Сюнь стал выглядеть странно.

Но эти опытные люди, привыкшие ко всему, не показали ни капли презрения, вероятно, они видели разные ситуации, и спортивный костюм их не удивил.

— Сяо Хань, наконец-то ты пришел, — сказал мужчина средних лет, вставая, чтобы поприветствовать его.

С этим движением все двадцать человек за двумя столами встали, создавая впечатление, будто они готовятся к драке два против двадцати.

Хань Сюнь едва заметно нахмурился. Все присутствующие носили вежливые улыбки, даже надменные актеры скрывали свою гордость и смотрели на него с теплотой.

Такая реакция могла означать только одно: мужчина, который встал первым, был не просто обычным инвестором.

<http://bllate.org/book/16443/1490925>